русской речи. Слово в семасиологическом, прагматическом, социокультурном аспектах». М., 2003в.

Лащук О.Р. Редактирование информационных сообщений: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2004.

Лащук О.Р. Rewriting: обработка текста по-новому // Журналистика и культура русской речи. 2005. № 1.

Лащук О.Р. Прагматический аспект работы редактора // Язык массовой и межличностной коммуникации. М., 2007.

Лащук О.Р. Анализ фактического материала: языковые проблемы коммуникативности текста // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России. СПб., 2008а.

Лащук О.Р. Композиционные особенности информационных текстов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2008б. № 4.

Лащук О.Р. Редактирование публикаций информационных жанров // Справочник по литературному редактированию для работников средств массовой информации. М.: Флинта: наука, 2010а.

Лащук О.Р. Термин «формат» в массовой коммуникации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2010б. № 6.

Лащук О.Р. Форматная коррекция медиатекста // Журналистика и медиаобразование-2010: Сб. трудов IV Междунар. науч.-практ. конф. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010в.

Лащук О.Р. Редакторская обработка факта как корректное отражение действительности в медиатексте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2011а. № 2.

Лащук О.Р. Форматная коррекция медиатекста // Русский язык и литература во времени и пространстве. Т. 1. Шанхай, 2011б.

Лащук О.Р. Вторичное редактирование новостного интернет-текста (на примере материалов агентства Lenta.ru) // Тезисы Второй Междунар. науч. конф. «Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в стилистическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах». М., 2012.

Lashchuk O. Format of mass-media: term definition. URL: http://www.science-journals.eu/lis/ISP-LIS-Vol4-Part2.swf

Поступила в редакцию
30.01.2013

В.Н. Суздальцева, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: journ.stilist@yandex.ru

СИМВОЛИКА ЦВЕТА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В МАССМЕДИЙНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются связи между общекультурными символическими значениями цвета и теми смыслами, которые цветовые слова приобретают в политических текстах. Анализируются закономерности функционирования цветообозначений в этих текстах.

Ключевые слова: *цветообозначения, семантическое поле, функция интеграции, функция дифференциации, конструирование мифа, сакрализация, десакрализация.*

The article deals with connection between general cultural meanings of color and meanings that color words acquire in political texts. The regularity of functioning of designation of color in such kind of texts is analyzed.

Key words: *designation of color, semantic field, integration function, differentiation function, construction of myth, sacralization, desacralization.*

Цвет всегда во всех культурах и религиях мира имел символическое значение. Символические значения обретали и вербальные единицы, обозначающие цвет. Цвет служит: а) для обозначения и выражения эмоций: *черный* — цвет траура в большинстве стран; см. также вербализованное*: черные мысли, черная дума, черная зависть;* б) для обозначения духовных и нравственных качеств: *светлая душа, черный человек*; *белый* — символ внутренней чистоты, безгрешности: ангельские облачения, свадебный наряд невесты; в) для обозначения личностных качеств: *светлый ум, ясный ум, яркая личность* и т.п. *Фиолетовый* — «цвет духовных миров, миров творчества», а у католиков — «молчание или созерцание» [Шейнина, 2002, с. 360]. *Голубой* и *белый* в словосочетаниях *голубая кровь* и *белая кость* указывают на аристократизм происхождения. *Зеленый* — «цвет весны, нового роста, плодородия, природы, радости» [там же, с. 362], т.е. цвет жизни.

При этом, как подчеркивают исследователи, в разных культурах и религиях один и тот же цвет может иметь разные символические значения. Например, *белый* в странах Востока — цвет траура. 1 февраля 2013 г. хоронили принца Нородома Сианука. Все были одеты в белые одежды[1].

[1] Информация на радио «Коммерсантъ-FM». 2013. 1 февр.

Иногда символическое значение цвета напрямую обусловлено его метонимической связью с каким-либо событием, явлением, которое в данном культурном или общечеловеческом культурном сообществе является знаковым:

• зеленый — цвет травы, листьев → жизнь;

• белый — чистота; на белом явственнее всего видна грязь → святость, цвет Божественного Преображения: «1... взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, 2. И преобразился перед ними: и просияло лицо Его, как солнце, одежды же Его *сделались белыми, как свет*» (Мф. 17:12). Поэты Серебряного века нередко заменяли свои фамилии, как не отражающие дух их поэзии, на псевдонимы. Один из ярчайших представителей русского символизма взял для себя псевдоним Андрей Белый, отказавшись от не соответствующей его «летящей» поэзии фамилии Бугаев — Борис Николаевич Бугаев [Дёмин, 2007, с. 19]. Для него *белый* цвет — цвет Космоса, Мироздания, «соединение семи светильников, семи церквей», «символ Богочеловечества» [там же];

• *черный*: как и *темный*, *черный* противопоставляется *свету*; *черный* — отсутствие света. Свет и тьма в контексте Священного Писания — символы двух начал: Божественного, Логоса, Разума и Хаоса, Антихриста. Ад на иконах всегда *черного цвета* (икона *Страстной седмицы* «Сошествие в ад») → страдания, смерть.

В политическом дискурсе, как невербальном, так и вербальном, цвет также оказывается одним из важнейших символов и выполняет социальные и идеологические функции. В государственную символику цвет входит через государственный флаг, через флаги отдельных подразделений государства, через геральдику. При этом символы государства нередко могут быть возведены к более древним символическим значениям цвета. Так, цвета российского триколора, учрежденного Петром I, ученые соотносят с цветовой символикой иконы «Чудо Святого Георгия о змие» — герба г. Москвы [Дегтярёв, 2000, с. 57].

В культурных и политических текстах вербального характера символическое значение цвета раскрывается через перцептивную лексику тематической группы «цвет». При этом символика, выраженная вербально, опирается на: а) смысловые связи цвета с тем или иным явлением или событием — когнитивные реакции (*красный* — цвет пролитой крови, *белый* — цвет чистоты, *зеленый* — цвет листьев, травы → цвет жизни); б) на эмоциональные связи слова — прагматические реакции (*красный* — возбуждение, призыв к активному действию, может быть, к мщению [Шейнина, 2002, с. 365]; *белый* — доверие, благоговение; *зеленый* — радость, доверие).

Слова, обозначающие каждый из цветов или оттенков цвета, группируются в семантическое поле вокруг центрального слова, обозначающего конкретный цвет. При этом «поле» понимается как «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений»[2]. При таком выделении цветовых семантических полей слово, называющее данный конкретный цвет (например, *красный*), содержит интегральный признак, а единицы, называющие оттенки красного (*красноватый, алый, пурпурный, багряный, румяный*), — дифференциальные признаки.

Единицы, входящие в поле одного цвета, могут быть разнородными: а) по грамматической (морфологической) отнесенности (*красный — краснеть, алеть, багрянец*, и т.д.); б) по принципу обозначения: прямое значение — непереносное (*красный — кровавый закат*); в) по обозначенной степени интенсивности и оттенку интегрального признака (*красный — красноватый, багровый* — т.е. *густо-красный, алый* — т.е. *ярко-красный*).

Цветовые поля политического дискурса делятся, в свою очередь, на две соотносительные подсистемы, отличающиеся друг от друга качеством интегрального уже для данной подсистемы признака.

I. Интегральный признак — прямое значение, т.е. название собственно цвета (*красные флаги, белые, синие шарики, зеленые вымпелы* и т.д.). Такие единицы встречаются в описаниях, которые обычно объективированны, не выражают модуса автора и не имеют каких-либо оценочных нюансов.

II. Интегральный признак — слово в переносном, как правило метонимическом, значении (*Красная армия, Белая гвардия, белое движение, оранжевая революция*). Здесь интегральным признаком является не качественное значение цвета, а метонимически связанное с ним относительное значение прилагательного:

• *Красная армия* (первоначально *Красная гвардия*, с марта 1917 по март 1928 г.)[3] — от: *красные знамена* — цвет крови, пролитой в борьбе за свободу и справедливость;

• *Белая гвардия* — происхождение названия связано с традиционной символикой белого цвета «как цвета сторонников законного правопорядка»[4]. См. отмеченное В.И. Далем «Государь, батюшка,

[2] Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. Лингвистического энциклопедического словаря 1990 года. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 380.

[3] Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2000. С. 586.

[4] Там же. С. 111.

надежда, православный, белый царь»[5] и «Народ называет белым: веру свою, царя и Отечество»[6] — здесь соединены и государственно-политический, и духовно-нравственный компоненты значения (О.Н. Григорьева указывает, что «белой гвардией» стали называть себя «студенческие боевые дружины в Москве, выступившие вместе с отрядом юнкеров и кадетов на защиту Временного правительства», и отмечает, что название «белые» — о тех, кто боролся в Гражданской войне против большевиков, — появилось «в Северо-Западной армии» с лета 1919, а окончательно — лишь в эмиграции в 1920—1921 гг. [Григорьева, 2004, с. 231]);

• *Оранжевая революция* — события, связанные с выборами президента Виктора Ющенко на Украине (осень 2004 — январь 2005 г.). Сторонники Ющенко имели атрибутику (шарфы, флажки, баннеры) оранжевого цвета.

Обычно такие интегральные слова в дискурсе политики несут в себе сему либо коннотацию оценки. Эта оценочность может возникнуть сразу и выражать: а) оценочное отношение тех, кто выбрал для себя данный цвет как символ. Например, *Красная армия* и т.п. — цвет пролитой крови: жертвенность, мужество, страдания, могущество, справедливость [Шейнина, 2002, с. 365]. *Красный* — цвет революции. Значение заимствовано из европейской политической традиции; распространялось после европейских революций 1848 [Мокиенко, Никитина, 2005, с. 204], особенно после Парижской коммуны 1871 г.; б) оценочное значение у цветообозначения может отражать «взгляд со стороны» — точку зрения и оценки тех, кто наблюдает за событиями. Так, первоначально иронически оценочное у *оранжевый* в распространившемся в массмедиа 2005—2006 гг. сочетании «оранжевая революция» — это, вероятно, еще и реакция российских политиков и журналистов и на саму революцию, и на экстравагантность цвета, выбранного ее участниками: цвет, с российской точки зрения, ассоциировавшийся не с политикой, а с пляжем, — кричащий пляжный цвет.

Оценочность политических «цветовых» слов может быть разной на одной синхронной плоскости в разных социальных группах одного и того же сообщества. *Белый* в послереволюционные годы обладает диаметрально противоположной оценочностью. У сторонников революции *белый* — негативнооценочное. Первый толковый словарь советской эпохи — «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова — ко всем политическим обозначениям с первой частью *бело-* (*белогвардеец, белогвардейщина,*

[5] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1999. Т. 4. С. 570.

[6] Там же. Т. 1. С. 153.

белоэмигрант, белоэмигрантский) дает синоним «контрреволюционер», «контрреволюционный»[7]. Для тех, кто революцию не принял, *белый* вызывает возвышенно-романтические коннотации. Марина Цветаева в 1918 г. пишет:

Белая гвардия, путь твой высок:
Черному дулу — грудь и висок.
Божье да *белое* твое дело:
Белое тело твое — в песок.
Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...[8]

Иван Бунин в 1918 г. — трагически-скорбные интонации, обусловленные контекстом: «...у *белых*... все отнято, поругано, изнасиловано, убито: родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сестры»[9].

Красные у Бунина вызывают яростное отторжение, что проявляется в сочетаемости в микроконтексте и в оценочных смыслах макроконтекста: «И по странно пустым, еще светлым улицам, на автомобилях, на лихачах — очень часто с разряженными девками — мчится в эти клубы и театры <...> *всякая красная аристократия*: матросы с огромными браунингами на поясе, карманные воры, уголовные злодеи и какие-то бритые щеголи во френчах, в развратнейших галифе, во франтовских сапогах...»[10]. Здесь: пренебрежительное *всякая красная* и метафора *аристократия* — указание на присвоение себе чужого статуса и чужой собственности, т.е. на воровство. В макроконтексте — лексика негативной семантики: *воры, уголовные злодеи, развратнейшие галифе* и пренебрежительное *разряженные девки*. А у сторонников советской власти *красный* — подчеркнуто позитивнооценочное. См.: «*Красный*... 3... связанное с революционным, коммунистическим строем, советский, коммунистический»[11].

Из сказанного выше очевидно, что цвет и цветообозначения выполняют в политическом пространстве, с одной стороны, интегрирующую функцию. «Под знаменами» данного цвета, объединяются единомышленники, для которых цвет служит сигналом «свой». Так, *красный* цвет сам по себе является цветовой доминантой советской власти: *красное знамя* («И водрузим над землею красное

[7] Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель: АСТ, 2000. Т. 1. С. 119—120.

[8] *Цветаева М.И.* Откуда такая нежность?: Стихотворения. М.: Эксмо, 2005. С. 106—107.

[9] *Бунин И.А.* Окаянные дни. М.: Советский писатель, 1990. С. 73.

[10] Там же. С. 72.

[11] Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. С. 1502.

знамя труда» — боевой рабочий марш «Смело, товарищи, в ногу...» Л. Радина). Красные звезды на башнях Кремля, красный цвет государственного флага СССР, лозунги, транспаранты, которые писались на красном фоне, красные бантики на груди участников демонстрации, красные гвоздики — все это было символом советского государства и КПСС. Сейчас красный цвет сохраняет свое символическое значение у сторонников и членов КПРФ. Новое словосочетание *красный пояс России* (появилось после 1991 г. [Григорьева, 2004, с. 237]) обозначает области, где голосуют за коммунистов. Интегрирующая функция проявляется и в вербальном отношении. Так, позиционирование красного цвета как цвета «своих» отражали многочисленные словосочетания советской эпохи со словом «*красный*»: *красный командир, красная конница, красный профессор, Институт Красной профессуры* [Мокиенко, Никитина, 2005, с. 204] и т.д.; это же слово — в названиях населенных пунктов: *Красный Луг, Красный Стекловар, Красный Холм,* и др.; в названиях колхозов и совхозов, заводов и фабрик: «*Красный дозор*», «*Красный колос*», «*Красный богатырь*» и др.; в названиях журналов и газет: «*Красный воин*», «*Красная новь*» [там же] и др.; в именах собственных: *Красарма* (от: Красная армия) [там же, с. 202], *Красномира* [там же, с. 203], *Краснослав* [там же, с. 204].

Вместе с тем и цвет, и вербальные цветообозначения выполняют функцию дифференциации: служат сигналом «*чужой*» (см. процитированный выше отрывок из И.А. Бунина).

Одновременно повторяемость слова в контекстах одного и того же оценочного характера способствует закреплению оценочности (положительной или отрицательной) у данного «цветового» слова и обуславливает механический перенос этой оценочности на явление, названное определяемым существительным. Так, безусловная положительная оценочность, романтизированные, героические коннотации слова *красный* были перенесены на существительное *террор* в словосочетании *красный террор* (декретом введен в сентябре 1918 г., после покушения на Ленина и убийства М.С. Урицкого [Орлов, Георгиев, Георгиева, Сивохина, 2005, с. 346]): декларировалось исключительное право на произвол, насилие и убийство.

Негативная оценочность прилагательного *белый* в его политическом значении в революционные предвоенные годы также закреплялась вербально, прежде всего в многочисленных сложных словах, вторая корневая часть которых содержала негативную оценку: *белобандит, белогвардейщина, белоинтервент, белогвардейско-кулацкий* и некоторые другие [Мокиенко, Никитина, 2005, с. 39—41]. А далее уже само по себе *бело-* в сложных словах стало негативнооценочным: *белочех, белоэмигрант, белофинн*. «Толковый словарь языка Совдепии» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной показывает, как расширялся круг негативных денотатов, обозначенных словами с первой частью *бело-*.

«**Белофинн** 1. Член вооруженных формирований, боровшихся против Советской власти на территории Карелии в октябре 1921 года ... 2. Всякий неугодный советской власти финн. Термин появился (в этом значении) в связи с нападением Красной Армии на Финляндию в 1939 г.» [там же, с. 40], так же: *белополяк* [там же].

Об узнаваемой всеми оценочности цветовой морфемы в слове *белофинн* говорит Г. Владимов в повести «Верный Руслан. История караульной собаки»:

«Так-то Стюра, дорогая с финской, значит, войны... Ну, та, правда, не война была, а “кампания”, точно “кампания с *белофиннами*”. Ах... Гениальный все же был душегуб (о Сталине. — *В.С.*). Как он их по-боевому назвал — “*белофинны*”. Кто их разберет, захватчики они, не захватчики, а “*белофинны*” — это ясно: *белые*, значит, а *белых* еще не забыли, так винтовка легко в руку идет, знаешь, с кем воевать»[12].

Оценочное осмысление цвета и цветообозначений может иметь разные нюансы на одной синхронной плоскости в политических дискурсах разных государств. Так, *черный* в российской лингвокультуре — цвет анархистов, а также цвет правительственных автомобилей. В Германии *черный* — цвет Христианско-демократического союза; см.: «За послевоенную историю фрау Меркель станет пятым ставленником “*черных*” (в этот цвет окрашивают демократов в политическом спектре Германии»)[13]; «*Черный марш*: Христианские демократы возвращаются к власти»[14]; «Германские социал-демократы и консерваторы проголосовали за “*красно-черное*” правительство»[15].

В диахронии оценочность может переосмысляться. Изменение оценочности с негативной на позитивную (сакрализация) и с позитивной на негативную (десакрализация) происходит по-разному. «Реабилитация» цвета и связанного с ним цветового слова всегда связана с реабилитацией явления: через сообщение новой информации, через социальные акции, через употребление слова в положительных контекстах, через словарные толкования. Так, *белый, белогвардейское движение* в конце 70—80-х гг. XX в. и особенно в постперестроечное время меняло свою оценочность в сторону положительную через культурный макроконтекст. Это публикация и оценка «Белой гвардии» М. Булгакова, «Лебединого стана» М. Цветаевой, документальные, телевизионные и художественные фильмы

[12] *Владимов Г.* Верный Руслан. История караульной собаки. М., 1989. С. 85.
[13] Время новостей. 2005. 7 июля.
[14] Там же.
[15] Новые Известия. 2005. 16 нояб.

(«Дни Турбиных», реж. Басов; «Адмиралъ», реж. А. Кравчук и т.д.), перезахоронение праха А.И. Деникина в Донской монастырь и т.п. Изменились словарные толкования. Если в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова синоним к *белый* — «контрреволюционный» (см. выше), то словари 90-х гг. — первого десятилетия XXI в. интерпретируют его иначе: **Белый** «3. В первые годы Гражданской войны: относящийся к вооруженной борьбе за восстановление законной власти в России»[16]; «Большой энциклопедический словарь» под редакцией А.М. Прохорова в статье «Белая гвардия» отмечает, что «происхождение термина связано с традиционной символикой белого цвета как цвета сторонников законного правопорядка»[17].

Десакрализация легче осуществляется собственно языковыми средствами. Ими являются:

1) деривация. См., например: Краснюк — «Пренебр. Коммунист» [Мокиенко, Никитина, 2005, с. 205];

2) ироническое использование других единиц того же семантического поля, метафорически обозначающих оттенки или степень проявления цвета: *покраснеть, красноватый, розовый* и др. Так же: сочетания с наречиями меры и степени: *очень, в высшей степени красный* — десакрализация, через возвращение цветовому прилагательному качественного значения. Например: «...КПРФ, как ни странно, подсказала первым, что надо работать на своем поле, что *порозовение* или *покраснение* электората совсем не бесспорно»[18]. См. также: «В наше время образовалось множество партий, движений, фронтов, организаций, обществ. Некоторые из них стали, скажем так, очень "*красными*", другие — очень "*черными*"...»[19];

3) введение цветового слова в десакрализующий контекст. Например: «*Красный генерал из черной сотни*» — об А. Макашове[20]; «Чили — страна *красного перца и выцветших идей того же цвета*»[21]. См. также: «Лучше *красные*, чем *голубые*!» — лозунг, с которым якобы КПРФ собиралась идти на выборы в Думу в 2007 г.[22]

Оценка политического явления через цветообозначение может выражаться в результате переноса на данное явление тех коннотаций, которыми слово обладает вне политического дискурса. Например, в девизе митинга в защиту предпринимательства, который

[16] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ LTD, 1992. С. 41.

[17] Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. С. 111.

[18] Литературная газета. 1998. 11 нояб.

[19] Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Гл. ред. Г.Н. Скляревская. М.: Фолио Пресс, 1998. С. 338.

[20] Литературная газета. 1998. 11 нояб.

[21] Комсомольская правда. 1996.

[22] Эхо Москвы. 2007. 29 авг.

проводился в Санкт-Петербурге напротив Смольного[23]: «*Оранжевая война против желтого дома*!» — задействованы те негативнооценочные коннотации, которыми обладает прилагательное *желтый* в разных сочетаниях вне дискурса политики: «имеющий нездоровый цвет лица, тела. *Лицо его совсем опухшее и желтое*», «Желтый билет. В России до 1917 г.: паспорт на желтом бланке, выдававшийся проституткам», «Желтый дом. Разг. Больница для душевнобольных»; а также «продажный, соглашательский, низкопробный. *Желтая пресса, печать*»[24]. Цветовое значение прилагательного вытесняется негативными коннотациями, оценочность и дискредитирующие ассоциации выступают на первое место. Результат: негативный образ денотата, обозначенного словосочетанием.

В массмедийном континууме «власть» цветообозначения присутствуют всегда, но степень их активности бывает разной. Есть периоды, когда такие слова не играют какую-либо важную роль. И есть периоды, когда обращение к лексике этой группы и ее «влиятельность» в общем смысле континуума становятся весьма интенсивными: *красный* в революционные — первые послереволюционные годы, *оранжевый* в конце 2004—2005 и 2006 г., когда после выборов президента В. Ющенко на Украине (см. выше) словосочетание «*оранжевая революция*» породило множество, в основном иронических, словосочетаний с этим прилагательным (см., например, газетные заголовки этого периода: «*Оранжевая соседка* — об Украине»[25]; «*Электоральная ситуация и* "*оранжевое зарубежье*"»[26]; «*Оранжевые тревоги Минска: Лукашенко обещал гасить разрушительные политтехнологи*»[27]; «*Оранжевый отсвет: Румынский президент едет в Кремль из-за Приднестровья*»[28]; «Отчего лихорадит Украину. *Черная полоса оранжевых*»[29]. А также: «*Оранжевая Антанта*» (заголовок — о планирующемся объединении Молдавии, Грузии и Украины[30]); «*Оранжевая власть*» — Алексей Пушков в «Постскриптуме»[31]; «*Заговор оранжевых олигархов*» (из рекламы программ НТВ на «Эхе Москвы»[32]). Тогда же возникло словосочетание «*оранжевая угроза*» — угроза насильственного государственного переворота, подготавливаемого за рубежом и осуществляемого

[23] Радио «Свобода». 2005. 6 дек.

[24] Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2001. С. 302.

[25] Время новостей. 2005.

[26] Там же. 7 июня.

[27] Там же. 2004. 21 дек.

[28] Там же. 2005. 14 февр.

[29] Аргументы и факты. 2006. № 3.

[30] Главная тема // 3 канал. 2005. 3 марта.

[31] ТВЦ. 2005. 16 мая.

[32] Эхо Москвы. 2005. 24 сент.

на средства, полученные из-за границы. См. реализацию этого значения в материале Валерия Коровина «Нам нужен грозный царь»[33]: «*Оранжевые ожидания*», «*оранжевый сценарий*», «*оранжевая подмена России*», «*внутри самой страны снуют* “*оранжевые*” *западные прихвостни...*» и т.д.

Конец 2011 и первая половина 2012 г. (время подготовки к выборам в Государственную Думу и выборам президента РФ и время после выборов) ознаменовались всплеском активности прилагательных *оранжевый* — уже применительно к России и *белый* — символический цвет оппозиции. При этом *оранжевый*, функционируя исключительно в значении «импортируемый из-за рубежа и проплаченный зарубежными спонсорами», имеет акцентированную негативную оценочность — обозначает то, что отвергнуто обществом. Такие же негативно-пренебрежительные коннотации у дериватов *оранжизм*, *оранжисты*. Например: «...попытка оранжевого *захвата* власти»[34]; «В любом случае летящий локомотив “*оранжевой революции*” уже затормозил. Но угроза для власти кроется в другом» (А. Проханов)[35]; «Несистемная оппозиция — это бурлящий поток ... Этот поток катится по площадям и улицам, оставляя после себя на асфальте множество оторванных подметок, среди которых подошва Ильи Пономарёва становится “Авророй” *оранжевой революции*»[36]; «*Троцкизм-оранжизм*: Как Сталин в 1927 году победил “цветную революцию”» (заголовок и подзаголовок)[37]; «И во главе тогдашних “*оранжистов*” стоял Л.Д. Троцкий, сумевший сплотить вокруг себя самые разные “левые” группы... И в этом также заметно сходство с “*оранжевым движением*”»[38]. Это же прилагательное звучало в речах участников митинга на Поклонной горе — альтернативного тому, который проводила оппозиция. С. Кургинян и др. говорили об угрозе *оранжевой революции* в России.

Цвет и его вербальное обозначение могут участвовать в конструировании новых политических мифов. Фактически именно в этой функции выступил *белый* цвет и соответствующее прилагательное в период с декабря 2011 по конец 2012 г. — после объявления результатов выборов в Государственную думу и до и после выборов президента Российской Федерации. *Белый* становится цветом оппозиции — тех, кто недоволен результатами выборов в Думу, потом — тех, кто против президентства В.В. Путина. Прилагательное *белый* начинает употребляться как синоним к слову

[33] Литературная газета. 2005. № 23.
[34] Бизнес-FM. 2012. 23 марта.
[35] Завтра. 2012. № 9.
[36] Там же.
[37] Там же.
[38] Там же. С. 8.

протестный. Использование *белого* в этом значении характеризовалось следующими чертами.

А. Использование самого цвета как символа: *белые ленточки* на груди митингующих и тех, кто заявляет о своей принадлежности к оппозиции, *белые воздушные шары*, *белые палатки* в некоторых регионах России (см.: «*Белые палатки* на смену *белым ленточкам*» — заголовок)[39], *белые розы*, возложенные на Соловецкий камень, — митинг в декабре 2012 г. («Марш миллионов»).

Б. В вербальном отношении — появление новых словосочетаний, где *белый* — положительнооценочное (частотность употребления их весьма велика).

• Автопробег *«Белое кольцо»* (24 января 2012 г.: автомобилисты с белыми лентами на внутренней стороне Садового кольца — приглашение принять участие в шествии «За честные выборы»).

• Акция «Белое кольцо» в Москве (26 февраля 2012 года. Участники митингов «За честные выборы» вышли на Садовое кольцо и сомкнули живую цепь по всей длине).

«Толковый словарь» Андрея Архангельского под ироническим названием «Между молчанием и ропщественностью»[40] приводит следующие новообразования с прилагательным *белый: Белый круг, Белая лента, Белая революция, Белое кольцо, Белоленточник*, сюда же — *снежная революция*. Общим названием подобных акций и выступлений стало словосочетание *Белое движение. Белый альбом* — проект музыкального критика Артемия Троицкого — предложение выступить в Интернете тем музыкантам, которые смогут продемонстрировать свою оппозиционность[41]. См. также: «*Белый крик*: Путин, уходи!» — Матвей Ганапольский в программе «Ганапольская» — об объявленном митинге на Калужской площади, куда приехало более двух десятков автобусов с омоновцами и ни одного протестующего[42].

По сути дела начиналось конструирование нового идеологического мифа с использованием номинации прежнего исторического мифа — *Белое движение* времен Гражданской войны. Это конструирование осуществлялось за счет актуализации и взаимодействия элементов обоих семиотических рядов: собственно цветового и вербального.

Приемы конструирования

А. Цветовая символика:

1) выбор цвета — апелляции к традиционным ассоциативным и эмоциональным связям данного цвета: представления о безгреш-

[39] Независимая газета. 2013. 23 окт.
[40] Новая газета. 2012. 24 дек.
[41] Бизнес-FM. 2012. 21 мая.
[42] Эхо Москвы. 2013. 24 февр.

ности, чистоте соответствовали лозунгу оппозиции «За честные выборы!». Результат: цвет вызывает доверие;

2) внедрение цвета в сознание через действия: раздача белых лент, шаров, букетов с белыми цветами; 8 апреля 2012 г. протестанты пытались украсить станцию метро «Площадь революции» белыми лентами, шарами, гвоздиками, розами[43];

3) восторженность, эмоциональная приподнятость, подчеркиваемая значимость в проведении этих акций, передается другим участникам. Суггестивность, т.е. внушаемость, в подобных массовых акциях возрастает. Исследователи социальной психологии пишут, что «между людьми в группе образуются так называемые суггестивные сети, в результате чего на каждого члена группового объекта действует не только субъект внушающего воздействия, но и другие члены группы, что заметно увеличивает эффект внушения» [Крысько, 2003, с. 44].

Б. Вербальная символика:

1) многочисленность новых наименований и частотность их употребления;

2) закрепленная в коллективной когнитивной базе положительная оценочность цветового прилагательного, высокость связанных с ним эмоциональных коннотаций стимулировали соответствующие положительные реакции. См. приводимое В.И. Далем разъяснение переносного оценочного значения прилагательного: «Народ называет белым: веру свою, царя и Отечество»[44];

3) позитивные реакции на словосочетание *Белая гвардия* (о Гражданской войне 1918—1921 гг.), которые закрепились у значительной части россиян в последнюю треть XX в. (см. выше). Романтизированное представление о *Белой гвардии* («*Белогвардейская рать святая*» — М. Цветаева) автоматически перешло на новое явление — движение современной оппозиции.

Кроме того, фактически был задействован еще один смысловой пласт и связанные с ним ассоциации — события октября 1993 г. Возникшие сразу после расстрела Дома правительства Российской Федерации наименования *защитник Белого дома, белодомовец* обрели трагические и потому высокие коннотации и иногда употреблялись и по отношению к тем людям, которые собирались в августе 1991 г. вокруг московского Белого дома, чтобы защитить демократию.

В результате импликационал (т.е. весь круг ассоциативных и эмоциональных связей) прежних обозначений был перенесен на новое явление. Произошло «возвышение» нового денотата через

[43] Московские новости. 2012. 5 дек.

[44] *Даль В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 153.

высокость прежних денотатов. Это можно назвать «присвоением чужого статуса».

Развенчивание мифа осуществлялось опять-таки за счет использования элементов обоих рядов — цветового и вербального.

А. Вербальные средства:

1) В.В. Путин в ответе на вопрос о протестном движении сказал, что белые ленточки напоминают средства контрацепции. Нарочито грубое сопоставление, инвектива. Реакция одного из лидеров протестного движения А. Троицкого — появление на следующем митинге в костюме презерватива — думается, не нейтрализовала, а только акцентировала болезненность этой инвективы;

2) употребление *белый* в негативных контекстах, квазисинонимия, например: «Еще один “*белоленточник*”, инициатор “итальянской забастовки” в Госдуме... Илья Пономарёв — человек очень активный. Все лето он *мотается* по *городам и весям* родной страны, принимая участие в различных общественно-политических мероприятиях»[45]; «Сейчас уже очевидно, что *движение белых ленточек* постепенно перерождается в политическую секту, подобную “*Белому братству*”, которая существовала в России в 90-х годах»; «В системном стане оппозиции много желающих получить дивиденды от “*Белой секты*”»[46] и т.д.

Здесь выделенные пренебрежительные сочетания *мотается по городам и весям, получить дивиденды* и негативнооценочные метафоры *белая секта, белое братство* способствуют десакрализации начавшего было формироваться мифа.

Б. Невербальные средства: ритуальная «казнь» белой ленточки. Депутат А. Сидякин на заседании Государственной думы, выступая с трибуны, демонстративно растоптал белую ленту, сопровождая это действие словами обвинения: это «символ предательства», «символ экспортной революции». И приколол к пиджаку георгиевскую ленту.

Результат: примерно к марту 2013 г. миф был почти опровергнут: *белый* как возвышающая номинация почти перестал употребляться.

Помимо этого, цвет и вербальные единицы, его обозначающие, могут быть связаны с другими семиотическими рядами, которые также относятся к компетенции государства и тоже имеют цветовое выражение. Так, *красный* и *оранжевый* в ряде стран — цвета, обозначающие степень террористической, а также экологической угрозы: «В России будет создаваться система оповещения о повы-

[45] Московский комсомолец. 2012. 4 авг.

[46] *Исаев А.* «Справедливый» подход к «*белой секте*» // Комсомольская правда. 2012. 20 марта. С. 5.

шении уровня угроз по мотивам американской — в США, как известно, каждому уровню присвоен свой цвет. В Америке есть "*оранжевый*", "*красный*" уровень угрозы, вводится система контроля, и общество начинает включаться профилактически»[47].

Возможно, негативный ореол, который получили в русском языке прилагательное *оранжевый* после выборов на Украине (а они проводились по политтехнологиям США) и словосочетание *оранжевая угроза* и подобные возникли на фоне символических смыслов этого цвета в шкале, указывающей степень опасности.

Подведем итоги.

1. Цвет и вербальные цветообозначения являются важной составляющей политического дискурса, в том числе континуума «власть», и входят в число имиджевых конструктов.

2. Само по себе слово, обозначающее цвет и вошедшее как знак в политический дискурс, служит:

А. Средством воздействия: цвет как компонент какой-либо политической структуры, может повышать престиж названного (*красный* — в первые революционные годы, *белый* — в некоторые другие), а может принижать его — служить инвективой. Например: «*Оранжевая война против желтого дома*» — о митинге напротив Смольного (см. выше);

Б. В том числе воздействия манипулятивного. Манипулирование — это «изменение направленности (психической или иной) других людей, осуществляемое незаметно для них» [Крысько, 2003, с. 127]. Манипулирование посредством использования цветовых семантических полей может производиться двумя способами:

Первый. Через цвет и цветоназвание происходит отождествление с тем, что издавна почитаемо или отвергаемо: перенос на себя или на другого. При этом переносятся либо свойства прежнего обладателя цвета, либо прежнее отношение к этому обладателю цвета (см.: *Белое движение* — название протестных акций декабря 2011 — августа 2012 г.).

Второй. Манипулирование через десакрализацию того, что прежде было недосягаемым и неприкосновенным. В наибольшей степени в постперестроечных массмедиа такой десакрализации подвергались единицы семантического поля *красный*.

3. В первое десятилетие XXI в. в русском языке распространились новые словосочетания: *цветные революции, цветные технологи.* См.: «*Цветные технологии* использует власть ее противники» (подзаголовок)[48]. И далее: «Вчера сообщения из Киргизии подозрительно напоминали сводки новостей с Украины. Страны очень

[47] Время новостей. 2004. 9 сент.
[48] РБК daily. 2007. 6 апр.

разные, но в обеих прошли "*цветные*" *революции*, в обеих президенты борются с премьерами, в обеих они опираются на конкурирующие регионы... В обеих странах используются технологии "цветных" революций, и в обеих это в итоге ведет к географическому расколу страны»[49].

Цветные революции — государственные перевороты, которые совершены на средства, предоставленные зарубежными заказчиками; *цветные технологии* — технологии подготовки и проведения таких переворотов. Источники финансирования — те лица или организации, которые заинтересованы в дестабилизации обстановки в той или иной стране. Цель тех, кто организует *цветные революции*, — в результате государственного переворота подчинить данную страну своему влиянию.

Можно сказать, что цвета и вербальные цветообозначения тоже могут становиться составляющей «цветных» технологий. Например, прежний романтический ореол слов *коммунист*, *революционер*, *революция* развеян в значительной степени за счет процессов, которые пережили прежде всего ассоциативно и синтагматически связанные со словами *коммунист*, *революционер*, *революция* единицы цветового поля *красный* (уничижительная деривация, введение в ёрнический контекст и т.д. — см. выше). Изменение оценочности у указанных существительных проявляется и в новых, иронических, прежде немыслимых словосочетаниях: «*Революция в полоску*» (заголовок, о массовых беспорядках в Узбекистане[50]); «*Гений* "*цветных революций*" *прибывает в Москву*» (заголовок[51]) — о прибытии в Москву нового посла США Майкла Макфола и т.д. Здесь «*в полоску*», *цветных* заменяют традиционные обозначения.

4. Цвета и цветообозначения в политическом дискурсе в целом в последние годы, на наш взгляд, утратили в восприятии реципиента свою прежнюю «престижность». Иллюстрация к этому — шутливые заголовки, в которых десакрализованным предстает уже сам цвет как знак серьезной политики: «Гражданин, Вы какого цвета?»[52] — о политических репрессиях на Украине; «Цветопляска»[53] — о злоупотреблении цветовой символикой в разных программах центрального телевидения и т.п.

Список литературы

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2001.

[49] Там же.
[50] Московский комсомолец. 2005. 15 мая.
[51] Там же. 2011. 22—28 декабря.
[52] Труд. 2005. 1 июня.
[53] Новые Известия. 2004. 3 дек.

Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2000.

Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. Лингвистического энциклопедического словаря 1990 года. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Советский писатель, 1990.

Владимов Г. Верный Руслан. История караульной собаки. М., 1989.

Григорьева О.Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистических и художественных текстах. М.: Флинта: Наука, 2004.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1999.

Дегтярёв А.Я. История Российского флага. М.: Военный парад, 2000.

Крысько В.Г. Словарь-справочник по социальной психологии. СПб.: Питер, 2003.

Мокиенко В.М., *Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2005.

Ожегов С.И., *Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ LTD, 1992.

Орлов А.С., *Георгиев В.А.*, *Георгиева Н.Т.*, *Сивохина Т.А.* История России: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Проспект, 2005.

Соболева Н.А. Очерки истории российской символики: От тамги до государственного суверенитета. М.: Языки славянских культур, Знак, 2006.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель: АСТ, 2000.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Гл. ред. Г.Н. Скляревская. М.: Фолио Пресс, 1998.

Цветаева М.И. Откуда такая нежность?: Стихотворения. М.: Эксмо, 2005.

Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов М.: АСТ; Харьков: Тогрсинг, 2002.

Поступила в редакцию
21.05.2013

ПРАВО СМИ

И.А. Панкеев, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: iap2007@mail.ru

АВТОРСКОЕ ПРАВО ФОТОЖУРНАЛИСТА: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

Статья посвящена проблемам защиты авторских прав на фотографические произведения. Рассмотрены основные положения законодательства применительно к фотографии, неприкосновенность произведения, охрана изображения гражданина в фотожурналистике. В статье освещаются проблемы регулирования авторского права в сетевых СМИ рунета. Автор рассматривает вопросы, актуальные не только для журналистского сообщества, но и для всех правообладателей и правопользователей.

Ключевые слова: *авторское право, фотография, использование произведения, право на изображение, служебное произведение.*

The article is devoted to the problems of copyright on photo works. The research highlights key legislation provisions regarding photo works, inviolability of communication works, and protection of the person's image. The article highlights the copyright problems of Russian online mass media. The author raises questions, which are topical not only for the journalism community, but also for all copyright holders and licensees.

Key words: *copyright, photo, usage of works, right on an image, work for hire.*

Современные СМИ трудно представить без фотографических произведений. Творчество фотокорреспондентов активно используется в газетах, журналах, телепередачах, на сайтах. Но практика показывает, что этот вид творческой деятельности остается одним из самых сложных с правовой точки зрения. Попытки осмыслить его как в предмете права, так и в предмете журналистики предпринимались неоднократно — об особенностях использовании фотографии писали многие авторы [Братковский, 2013; Быкова, 2006; Гаврилов, 1996; Капусткин, 2011; Луцкер, 2005; Мухин, 2007; Погуляев, Тулубьева, 2001; Сафиуллина, 2001; Тулубьева, 1999]. Новые технико-технологические условия (в первую очередь Интернет) обострили традиционные причины конфликтных ситуаций, о чем свидетельствует судебная практика. Отчасти подтверждают это и дискуссии вокруг вступившего в силу с 1 августа 2013 г. «антипиратского закона», призванного защищать интеллектуальные права производителей видеопродукции в информационно-телекоммуникационных сетях; блокирование ресурсов, содержащих нели-